

вания методов опросов на региональном уровне. Видимо, следует активно привлекать специалистов-социологов для осуществления мониторинга. Само по себе социологическое исследование на уровне региона можно осуществлять с достаточно большим объемом выборки, что делает их более репрезентативными.

Кроме того, это дает возможность учитывать местные особенности деятельности полиции и отношение населения данного региона к ОВД, что повышает эффективность использования социологической информации с целью совершенствования деятельности территориальных ОВД.

Сальников Евгений Вячеславович,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

Трансформация этических и методических принципов юридического образования: от философского многообразия к дистанционной монополии

Рассуждая на тему права в системе коллективной социально-исторической памяти, нельзя обойти стороной о конкретике механизмов сохранения права как формы профессионального сознания и особой деятельности обособленной группы лиц, именуемых юристами. Совершенно очевидно, что требования, выдвигаемые к допуску в профессиональное сообщество, механизмы кооптации в него и этические принципы поведения его членов во многом влияют на то самое место права в системе коллективной социально-исторической памяти.

Следует отдавать себе ясный отчет в том, что подготовка чиновников в лице, скажем, профессиональных сборщиков налогов, имевшая место быть в традиционных цивилизациях древнего мира, не может восприниматься как подготовка юристов. Право не выделялось в качестве самостоятельного регулятора социальных отношений и не представляло собой независимую совокупность норм, не только не сводимых к власти, их вводящей, но зачастую и противостоящей ей.

Античная Греция в лице полисной демократии являет собой уже пространство права, но эта цивилизация не знает юридических школ в собственном смысле слова, как не знает оно и судей как сословия, получающего профессиональную и даже теоретическую подготовку для этой деятельности. «Античное право — это право, созданное гражданами и для граждан»¹, но не для профессиональных юристов. Юридические проблемы обсуждались в рамках существовавших в то время форм образования — философских школ, изначально софистических, а впоследствии у перипатетиков, платоников, ранних стоиков, а также в ряде других школ, но направленность этого образования была не юридическая, а гносеологическая или же этическая, ибо участником правовых отношений была личность, гражданин. Как правильно отмечает Г. Берман: «греческие философы с удовольствием спорили по вопросам природы правосудия и должен ли правитель править по закону или по своей воле. Однако они совершенно не видели смысла обсуждать такой вопрос: должен ли закон защищать владельца товаров от того, кто их честно приобрел у третьего лица, причем это третье лицо мошеннически побудило владельца расстаться с ними? Когда они все-таки рассматривали подобные вопросы гражданского права, они обычно считали их вопросом личной этики»². Для древнего грека важно было не казуистическое применение закона, но логическое познание его этической природы, сущностных принципов, обеспечивших его существование. Юрист не мог быть вне этики, а потому вне юриспруденции не мог оказаться и ни один гражданин полиса.

Изменение взгляда на юриспруденцию в римскую эпоху привело к тому, что римские юристы отказываются от греческой системы подготовки кадров. Философские рассуждения об этических принципах законов уступают место практико-ориентированному обучению, направленному на формирование компетенций правоприменительной деятельности (как называли бы мы его сейчас). В эпоху классического римского права (I в. до н. э. — III в. н. э.) юридическое образование носила

¹ Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / пер. с нем. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. С. 521.

² Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-М-Норма, 1998. 624 с. С. 137.

инструментальный характер¹ и состояло в основном из весьма неформального, частного обучения в доме одного из старших практикующих юристов. «[Римские] юрисконсульты не обсуждали со своими учениками такие базовые понятия, как правосудие, право, правоведение, хотя грекам эти проблемы казались чрезвычайно, даже единственно, важными. Студента сразу погружали в практику, где перед ним раз за разом вставал все тот же вопрос: «Что следует сделать, исходя из представленных фактов?»² Таким образом, право превращалось в механизм разрешения конфликтов между гражданами как субъектами права. Философский фундамент юридического образования существенно уменьшался, но сохранялось многообразие подходов. Некодифицированность норм права, отсутствие институтов публичного права вплоть до позднего императорского Рима и ряд других факторов исключали монопольное владычество одной точки зрения.

Возникновение западных правовых систем нового времени в конце XI и в XII веке было тесно связано с возникновением первых европейских университетов. Именно там впервые в Западной Европе право преподавалось как четко очерченный и систематизированный свод знаний, в котором отдельные юридические решения, нормы и законодательные акты изучались объективно и объяснялись с точки зрения общих принципов и истин, базовых для всей этой системы в целом. При этом в рамках университета происходит унификация программы подготовки, предваряющая собой монополию определенной правовой позиции. Все средневековое обучение праву есть комментарии к Дигестам Юстиниана — центральной книги, которая при этом истолковывалась не из правовой действительности, крайне узкой в определенные этапы Средневековья, а из принципов организации социального мира, заданных Откровением и Божьим промыслом.

Из принципа откровения следовало, что господствующим методом постижения права становился схоластический подход, представлявший собой глоссирование текста Дигест, в результате которого путем формально логических операций анализа и синтеза отдельные разорванные, казуистические компоненты сводились в некий единый свод.

Европейские средневековые профессора права смотрели на римское право, казуистичное и разрозненное, взглядом верующего, стремящегося к утверждению единой гармонии всего мира, сотворенного Богом. Этой связкой с подлинной Божественной реальностью, стоящей за налично данным правом, средневековые университеты возвращали, если не философичность праву, то как минимум приводили к его теологичности. В этом возникало пространство соединявшее доминанту Божественной истины о праве с множеством его разрозненных интерпретаций. Комментаторская деятельность глоссаторов не означала претензию на исправление первоисточника так же, как непогрешимость и святость канонических текстов писания и трудов святых отцов, не подвергаемая сомнению и абсолютно истинная, создавала пространство для богословия, Дигесты Юстиниана порождали пространства для диспута, который был призван закрыть лакуны и разрешить противоречия.

Осуществив рецепцию античной доктрины «естественного права», Г. Гроций внес в процесс подготовки юристов существенную деталь. Сохраняя преемственность юрист Нового времени продолжал видеть за пределами наличного права некие высшие истины, которые, однако, теперь уже нужно было не вывести из данности Божьего откровения, но обнаружить в результате научного поиска с той же точностью, с какой математик открывает числовые закономерности. С этого момента право сохраняется в социально-исторической памяти уже как наука, а сами юристы становятся учеными. Теперь подготовка юристов есть подготовка исследователей, правда результаты изучения мира, а равно и объект, оказывались в своем большинстве крайне оторванными от эмпирически данной правовой реальности. В результате такого подхода юристы хотя и обладали способностью вывести из норм естественного права все существующие правовые нормы, но оказывались неспособны разобраться в сложном материале как римского, так и действующего позитивного права. «Судьи терялись в море разнородных определений Юстиниановой компиляции и в хаосе позднейших интерпретаций. Затруднения еще увеличивались тем, что, наряду с римским правом, приходилось иногда сообразовываться с германским и каноническим. Понятно, почему в течение 17—18 столетий не прекращались жалобы на неопределенность права, на отсутствие правильной юстиции и произвол судей»³.

¹ Чернавин Ю. А. Философия права и теория права: проблема взаимоотношения // Философия права. 2019. № 1. С. 72–80. С. 73.

² Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-М-Норма, 1998. 624 с. С. 139.

³ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. Тип., 1896. С. 28–29

Важнейшее влияние на дальнейший вектор изменения подходов в подготовке юристов оказала позитивистская школа. Сформированное в ее рамках представление о предмете правовой науки только как наличном позитивном праве приводило к тому, что право становилось исключительно профессиональной деятельностью, мастерством, обучению которому не идентично подготовке ученого. Как следствие, из юридического образования устранялась философия. Как писал в свое время Г. Ф. Шершневич: «В то время как юристы занимались исключительно толкованием и систематизацией норм положительного права, философия права разрабатывалась по преимуществу лицами, весьма мало или даже вовсе не причастными к правоведению. Одни изучали право, как оно им дано в нормах, не задаваясь мыслью о том, каким оно должно быть, и даже может ли оно быть иным, а философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы».¹ В конечном итоге позитивистский подход приводил к многообразию систем подготовки юристов в зависимости от специфики позитивного права того или иного государства. Предполагалось готовить профессиональных знатоков нормы, оставляя за скобками этико-философскую составляющую права. Именно этот взгляд на юриста широко разрекламировал голливудский кинематограф в XX веке.

Альтернативу данному подходу составляло марксистское понимание правоведения как частного случая реализации диалектики производительных сил и производственных отношений, где в борьбе классов конкретного способа производства — базиса — право выступает надстройкой. С этих позиций изучение норм позитивного права становится менее значимым в подготовке юриста, чем овладение им языком и логикой классовой борьбы. Как писал Ю. Домбровский, юридический факультет — это факультет ненужных вещей. Пролетарская логика должна подсказывать юристу суть права даже там, где она противоречит позитивно данному закону — рудименту буржуазного мира.

Таким образом, альтернативная позитивистской система подготовки юристов основывалась на философских принципах, но уже не подразумевавших многообразие, а сводимых к одной позиции, одной истине. Модель подготовки юристов предполагала их обращение к изучению принципов, лежащих за позитивно данными законами, но выраженными уже не в философском плюрализме, а в идеолого-философском диктате истмата и диамата.

Крушение советской правовой модели не привело к доминанте классического позитивистского юридического образования в силу развития технических средств обучения. Информатизация и цифровизация всех сфер общественной жизни коснулась и права, что воплотилось в роботизации ряда сфер правоприменительной практики. Специально разработанные компьютерные программы оказались способны в целом ряде юридических аспектов (составление договоров, регистрация прав, фиксация правонарушений и т. п.) заменить юриста.

При этом и в оставшемся исключительно для человека пространстве наблюдается компьютеризация и цифровизация процесса подготовки юриста. Речь идет о широком использовании дистанционного обучения и компьютерных технологий в подготовке юристов. Санитарно-эпидемиологические ограничения, вызванные пандемией COVID-19, потребовали практически повсеместного перехода организаций высшего образования на дистанционную форму обучения (e-learning). При этом следует отдавать себе полный отчет в том, что наблюдаемое сегодня массовое обращение к технологиям дистанционного обучения представляет собой не единичный вынужденный случай, но устойчивую тенденцию, которая с течением времени будет только возрастать. В последние тридцать лет дистанционное обучение (e-learning) приобрело значительную популярность и распространение. Современный этап в развитии онлайн-обучения связан с появлением многопользовательских онлайн-курсов (massive open online courses, MOOC) — площадок, которые предоставляют слушателям базу знаний, на которой размещаются учебные курсы преподавателей из различных университетов. Объемы лиц, получающих то или иное образование в дистанционной форме, уже сегодня достигают впечатляющих цифр.

Согласно показателям федеральных проектов «Молодые профессионалы» и «Цифровая образовательная среда», к концу 2024 года более 20 % студентов будут осваивать отдельные курсы, дисциплины (модули), в том числе в формате онлайн-курсов, с использованием ресурсов иных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе университетов, обеспечивающих соответствие качества подготовки обучающихся мировому уровню.

¹ Шершневич Г. Ф. Избранные труды. М., 1995. С. 213.

Именно информационные технологии вносят определяющий вклад в трансформацию принципов подготовки юристов. Теперь они лишаются не только философского основания и не обращаются к тому, что лежит за пределами налично данного права. Наряду с этим устраняется и многообразие подходов. В конечном итоге дистанционное обучение предполагает единство логики, задаваемое с одной стороны используемым программным обеспечением, его возможностями и заложенной в нем логикой подачи материала. С другой стороны, это единство обеспечивается тем, что сама идея дистанционного обучения имеет в своей основе принцип единого центра обучения. Лишь в идиллической картине образовательного пространства рядом с крупными образовательными организациями будут существовать альтернативные мелкие центры обучения. В реальности логика дистанционного обучения приводит к формированию образовательных гигантов, контролирующим малым количеством игроков все образовательное пространство.

В конечном итоге это приводит к дистанционной монополии, задающей единую логику трактовки права, его исключительно позитивную данность вне этико-философских размышлений. Таким образом, от философского плюрализма как основы подготовки юристов, рассуждающих об этике и ищущих сущностные основания законов, мы приходим к роботизированным алгоритмам подготовки юриста-профессионала, на основе монополизированной трактовки фундаментальных принципов юриспруденции крупными образовательными центрами.

Горбачева Светлана Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Правовые проблемы развития института общественных инициатив в России и пути их решения в контексте реализации политики памяти

Основным связующим звеном гражданина с государством выступает институт общественных инициатив. Необходимо признать, что общественные инициативы являются действенным политико-правовым механизмом, посредством которого преодолеваются возможные разногласия между властью и обществом. Появление общественной инициативы является требованием времени, поскольку без разрешения противоречий между гражданами и государством невозможно дальнейшее развитие общества. Становление института общественных инициатив берет свое начало с самых ранних периодов возникновения прямой демократии в целом, которая выражается в реализации первых ее форм, а значит политики памяти.

Проблеме участия граждан в управленческой деятельности государства в настоящее время уделяется все больше внимания. Деятельность государственных органов ориентирована на сохранение и упрочнение общественных связей. Институт общественных инициатив играет важную роль в построении демократического государства и эффективной системы государственного управления. Статья 3 Конституции Российской Федерации включает в себя принцип народовластия, который стал основой проявления различных форм реализации общественных инициатив граждан. Конституционно-правовое преобразование форм общественных инициатив граждан положило начало комплексного исследования всех форм вовлечения граждан в политическую жизнь государства. Особое значение в развитии данного института имеет и международный опыт, поскольку в России общественные инициативы законодательное оформление получили относительно недавно. Так, во Всеобщей декларации прав человека закреплено: «Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей»¹. Понятие общественной инициативы закрепляется в Указе Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» как «предложения граждан Российской Федерации по вопросам соци-

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ecad53d18192826d26cae3000ff90fa3e01b769b/ (дата обращения: 05.11.2021).